

НѢСКОЛЬКО
ИЗСЛѢДОВАНІЙ ИСТОРИЧЕСКИХЪ
И

РАЗСУЖДЕНІЙ О ВОПРОСАХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ.

ПРОФЕССОРА

Н. И. ВАРСОВА.

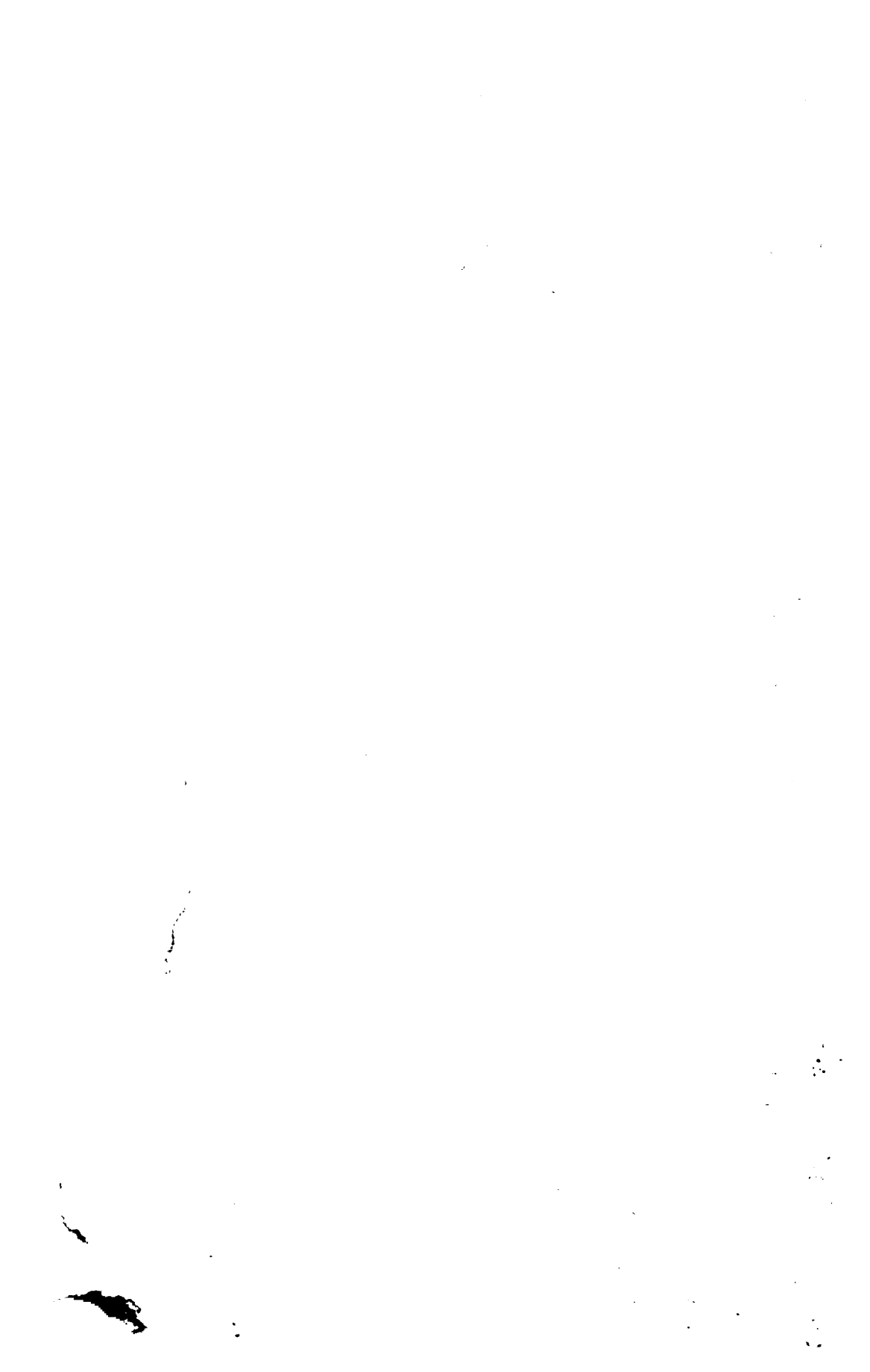
Nec ab antiquis, nec a novis, utrosque,
ubi veritatem colunt, sequor.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 5 лин., 28.

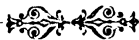
—
1899.

НѢСКОЛЬКО
ИЗСЛѢДОВАНІЙ ИСТОРИЧЕСКИХЪ
И
РАЗСУЖДЕНІЙ О ВОПРОСАХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ.

ПРОФЕССОРА
BARSOV
Н. И. ВАРСОВА.

Nec ab antiquis, nec a novis, utrosque,
ubi veritatem colunt, sequor.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюльвича. Вас. Остр., 5 лин., 28.

1899.

2728

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ. 4 Сентября, 1898 г.

Старшій Цензоръ Архимандритъ *Блиментъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Къ ученію о существѣ или природѣ христіанской литургійной проповѣди	1
О возможныхъ улучшеніяхъ въ современной нашей проповѣди	24
Взглядъ на жизнь и дѣятельность мѣта Филарета Московскаго	42
Архіепископъ Иннокентій Борисовъ по новымъ о немъ матеріаламъ	50
„Декамеронъ“ и „Пиръ десяти дѣвъ“	86
Вольтеръ и „Римскія дѣянія“	104
Вопросъ о религіозности русскаго народа въ современной печати	124
Кто былъ виновникомъ прекращенія опричины при царѣ Иванѣ IV	159
Существовала ли въ Россіи инквизиція	196
Элементы Западничества въ русской народной словесности	216
Наша высшая профессиональная духовная школа	232
О времени учрежденія іерархій въ церкви Христовой	257
По вопросу о преподаваніи древнихъ языковъ въ гимназіяхъ	268
Очеркъ исторіи Гомилетики	277
О преподаваніи Гомилетики въ семинаріяхъ	291
Ю. О. Самаринъ въ 50-хъ годахъ	298
Какъ иногда пишется критика	308
М-тъ Макарій Булгаковъ какъ проповѣдникъ	332
Воспоминанія объ И. А. Гончаровѣ	342
Н. А. Вышнеградскій и И. Т. Осивинъ	355
Могутъ ли дѣти крестьянъ быть причетниками въ сельскихъ приходахъ	363
Начало городскихъ училищъ въ С.-Петербургѣ	367
Общество охраненія народнаго здравія	372

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящій сборникъ, составляющій продолженіе изданныхъ въ 1879 г. моихъ „Историческихъ и критическихъ опытовъ“, я нашелъ полезнымъ, изъ написаннаго мною съ того времени, внести тѣ статьи, въ которыхъ содержатся или новыя историко-литературныя открытія, имѣющія бѣльшее или меньшее значеніе для науки, или новое освѣщеніе фактовъ и новыя идеи. Въмѣсто предисловія, считаю не лишнимъ изложить здѣсь, въ видѣ краткихъ тезисовъ, сущность главныхъ, издаваемыхъ въ этомъ томѣ изслѣдованій:

1) Вся 20-я глава романа Вольтера „Цадигъ“, по сличенію ея съ древне-французскимъ текстомъ VIII-й главы стараго, весьма распространеннаго въ теченіе XIV—XVI в., латинскаго сочиненія *Gesta Romanorum* представляетъ почти букввальное повтореніе этой VIII-й главы—настоящій плагіатъ во всемъ значеніи этого слова. Такъ какъ *Gesta Romanorum* были не чѣмъ инымъ, какъ католическою церковною книгой, которая въ указанные вѣка была гомилиаріемъ (руководствомъ или пособіемъ для храмовой проповѣди) и имѣлась въ большинствѣ церковныхъ школъ, въ томъ числѣ и въ іезуитской школѣ, въ которой обучался Вольтеръ, то и ученіе о Провидѣніи, содержащееся въ XX главѣ „Цадига“, не есть собственное ученіе самаго Вольтера, содержащее въ себѣ, какъ утверждаютъ одни біографы его, самую сущность его личнаго теологическаго-философскаго міровоззрѣнія, составившаго его славу, — и отнюдь не почерпнуто изъ кальвинизма или яansenизма, какъ говорятъ другіе, а есть католическое церковное ученіе, издавна существовавшее въ римской церкви (съ XIII в.), какъ и многія другія

ученія, отнюдь не ортодоксальныя, развившіяся въ католичествѣ по недосмотру и недостатку образованія въ католическомъ клирѣ.

2) Сочиненіе Боккачіо „Декамеронъ“ находится въ тѣсномъ генетическомъ соотношеніи съ сочиненіемъ „Пиръ десяти дѣвъ“, Мееодія, епископа Тирскаго (III в.), составлено подъ ближайшимъ воздѣйствіемъ послѣдняго. Это не было извѣстно ни одному изъ многочисленныхъ изслѣдователей „Декамерона“ доселѣ. Вліяніе „Пира“ на „Декамеронъ“ является несомнѣннымъ, и этимъ вліяніемъ объясняется многое въ литературной исторіи „Декамерона“.

3) „О религіозности русскаго народа“. Вопросъ этотъ поставленъ былъ въ русской литературѣ съ необычайною силою въ концѣ 80-хъ годовъ, и былъ предметомъ горячаго спора между самыми лучшими ея представителями — О. М. Достоевскимъ и двумя знаменитыми профессорами — А. Д. Градовскимъ и К. Д. Кавелинымъ. Авторъ излагаетъ подробно ученіе всѣхъ трехъ о русскомъ народѣ, степени и характерѣ его религіозности, и съ своей стороны утверждаетъ, что свыше-тысячелѣтній русскій народъ отнюдь „не юноша безъ фizioноміи“ доселѣ, а историческій славный народъ, полный доблести, съ ярко-очерченнымъ въ произведеніяхъ его духовного творчества (духовныхъ стихахъ, пѣсняхъ и былинахъ историческихъ, бытовыхъ и былевыхъ, въ его юридическихъ обычаяхъ, и т. д.) духовно-нравственнымъ обликомъ, въ которомъ яркими штрихами начертана религіозность, какъ основная черта этого образа. Авторъ сильно настаиваетъ на необходимости и полной возможности (въ виду увеличенія числа провинціальныхъ архивныхъ комиссій и ихъ дѣятелей, а также въ виду всеобщей народной переписи, недавно произведенной) подведенія общихъ итоговъ и синтеза всѣхъ накопившихся данныхъ для полной характеристики всего народнаго міросозерцанія и въ частности русской религіозности.

4) „Кто былъ виновникомъ прекращенія опричины при Іоаннѣ IV“. Вопросъ этотъ еще не былъ никѣмъ изъ нашихъ историковъ поставленъ. Авторъ отвѣчаетъ на него категорически и рѣшительно, ни мало не сомнѣваясь въ правильности

своего пониманія. Основаніемъ для рѣшенія вопроса онъ беретъ „посланіе къ царю Ивану Васильевичу“, находящееся въ „Сильвестровскомъ сборникѣ“ Спб. Д. Академіи. Это посланіе знали всѣ ученые археологи, начиная съ Амвросія, автора „Исторіи російской іерархіи“, который приписывалъ это посланіе митрополиту Даніилу, но большею частью они относили его къ болѣе раннему времени, до опричины, даже ко времени Іоанна III. Черезъ самый подробный анализъ посланія авторъ доказываетъ, что оно писано во время опричины, по поводу опричины, къ царю Ивану IV, писано знаменитымъ епископомъ (бывшимъ Коломенскимъ) Вассіаномъ Топорковымъ. Получивъ обличеніе своей опричины отъ того самаго епископа, совѣтъ котораго въ Пѣсношѣ навелъ на мысль объ учрежденіи опричины, Іоаннъ IV быстро и круто превратилъ ее, но доселѣ оставалась непонятною причина этого внезапнаго прекращенія.

5) „Существовала ли въ Россіи инквизиція“. Вопреки вознившимъ — было въ литературѣ недавно мнѣніямъ („Русскій Вѣстникъ“), что въ Россіи существовала настоящая инквизиція, тождественная съ испанскою, авторъ, на основаніи подлинныхъ дѣлъ архива Св. Синода, по которымъ имъ составлены три большихъ тома (около 1000 стр. каждый) „Описанія Синодальнаго Архива“, доказываетъ, что русскій „инквизиторскій приказъ“ и его „дѣятели“ отнюдь не имѣли характера инквизиціи западно-европейской.

6) „Элементы западничества въ русской народной жизни, по новооткрытымъ заклинаніямъ“. По найденнымъ въ архивахъ заклинаніямъ авторъ дѣлаетъ замѣчательное научное открытіе — „бога“ или „царя Осинилы“, совершенно новое лицо въ русской мифологіи, которая, значить, развивалась на Руси и внѣ общаго древне-славянскаго мифическаго цикла, и притомъ уже на христіанской почвѣ. Сходство названія „Осинила“ съ именемъ перваго князя русскаго, Синеуса, сильно соблазняетъ отнести начало этого мифа къ первому моменту исторіи гражданской Руси — къ эпохѣ призванія Варяжскихъ князей.

7) „О существѣ и природѣ христіанской храмовой проповѣди“. Совершенно новое, въ сравненіи со всею наличною

Гомилетикой, ученіе автора о проповѣди, какъ функціи *благодатной жизни Церкви*, а не просто — отрасли ораторскаго искусства.

8) Наша высшая профессиональная духовная школа (Академія). Особое мнѣніе автора о преобразованіи духовныхъ академій по образцу Германскихъ богословскихъ факультетовъ.

9) „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ по новымъ о немъ матеріаламъ“. Матеріалы эти — бумаги самого Иннокентія, принесенныя въ даръ Императорской публичной бібліотекѣ д. с. с. Н. Х. Палаузовымъ, въ девяти большихъ томахъ.

10) „О преподаваніи древнихъ языковъ въ гимназіяхъ“. Новое мнѣніе о томъ, что древніе языки должно изучать не по однимъ только языческимъ, латинскимъ и греческимъ, писателямъ, но также — по твореніямъ св. отцовъ древней церкви.

11) Начало городскихъ училищъ въ С.-Петербурѣ; новыя свѣдѣнія на основаніи архивныхъ источниковъ.

12) Русскій юноша 50-хъ годовъ (Ю. Θ. Самаринъ по его письмамъ).

13) Воспоминанія о И. А. Гончаровѣ (по личнымъ отношеніямъ къ нему автора).

14) „Н. А. Вышнеградскій и И. Т. Осининъ“ по личнымъ воспоминаніямъ автора.

15) „Какъ иногда пишется критика“, — отвѣтъ автора на статью „Православнаго обозрѣнія“ о его книгѣ: „Исторія первобытной христіанской проповѣди“.

При выборѣ своихъ статей для настоящаго сборника я руководился изрѣченіемъ древнихъ: *pec ab antiquis, pec a novis, utrosque, ubi veritatem colunt, sequor.*

КЪ УЧЕНІЮ О СУЩЕСТВѢ ИЛИ ПРИРОДѢ ХРИСТИАНСКОЙ ЛИТУРГІЙНОЙ ПРОПОВѢДИ.

Опытъ полного курса Гомилетики. Составилъ *М. Чепикъ*. М. 1893.

Гомилетика г. Чепика—самое недавнее, по времени появленія въ нашей литературѣ, сочиненіе по теоріи проповѣди, и мы не считаемъ позднимъ нынѣ сказать нѣсколько словъ о ней, а особенно по поводу ея. Названный трудъ принадлежитъ главнымъ образомъ—въ своей теоретической части—къ тому типу сочиненій этого рода, къ которому относятся и другіе существующіе въ нашей литературѣ учебники по Гомилетикѣ: арх. Аѳанасія, Н. Ѳаворова, и даже пространный курсъ Гомилетики Я. К. Амфітеатрова; онъ отнюдь не хуже двухъ первыхъ, а можетъ быть, и лучше нѣсколько, если принять во вниманіе стремленіе автора говорить постоянно рѣчью возможно упрощенною, что, впрочемъ, ведетъ у него иногда къ недостатку точности въ терминологіи. Это — такъ называемая *rethorica sacra*, получившая начало въ вѣкѣ схоластики, а особенно развивавшаяся у протестантовъ въ тотъ періодъ ихъ церковной исторіи, когда они, въ области Гомилетики, отступили отъ ея основъ, преподаваемыхъ Лютеромъ и изложенныхъ въ системѣ Портой, въ его сочиненіи *Pastorale Lutheri*. Забывъ наставленіе Лютера о единственно библейскомъ содержаніи проповѣди и о простотѣ и безыскусственности рѣчи проповѣдника, въ которой все должно обуславливаться съ одной стороны силою религіознаго убѣжденія церковнаго пастыря, а съ другой—мѣрою умственнаго развитія и степенью воспріимливости слушателей, лютеране въ это время (XVI—XVII в.) всю суть дѣла въ проповѣди поставляли въ „построеніи“ и „расположеніи“

ея по разнымъ способамъ (methodus) и „изложеніи“ (elocutio). Всѣ тѣ правила, которыя существовали когда либо, въ древности и въ новое время, для „сочиненія“ вообще и въ частности для ораторства свѣтскаго, были утилизированы нѣмецкими гомилетами въ это время въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, и внѣ этихъ правилъ („съ источниками изобрѣтенія мыслей“ включительно) они почти ничего знать не хотѣли. Такъ главнымъ образомъ поступаетъ и г. Чепикъ. Проповѣдь для него прежде всего—сочиненіе“, и первый отдѣлъ первой части такъ и озаглавивается: „проповѣдь, какъ сочиненіе вообще“, при чемъ въ эту часть Гомилетики у него вносится все то, что входитъ въ составъ общей части теоріи словесности, начиная съ ученія о періодахъ, тропахъ и фигурахъ. Второй отдѣлъ первой части озаглавивается: „проповѣдь, какъ сочиненіе ораторское“, и здѣсь авторъ опять распространяется о свойствахъ ораторскаго сочиненія вообще, о чемъ, опять, какъ извѣстно, трактуется въ теоріи словесности. Лишь вторая часть Гомилетики г. Чепика трактуетъ объ отличительныхъ свойствахъ проповѣди, какъ особаго рода ораторскихъ сочиненій, извѣстнаго подъ именемъ краснорѣчія духовнаго.

Въ этой части своего труда г. Чепикъ подробно говоритъ: о предметахъ церковнаго собесѣдованія (и говоритъ хорошо) о формахъ его (тоже не хуже, чѣмъ у Оаворова), о духѣ или внутреннемъ характерѣ проповѣди, о изложеніи — слогѣ и языкѣ (здѣсь снова чистѣйшая общая риторика), о произношеніи. Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ авторъ мало пользуется пособіями общей риторики, хотя здѣсь такое пользованіе было бы болѣе умѣстно; имѣя свои особенности, произношеніе проповѣдническое есть, въ сущности, произношеніе ораторское, правила ораторской (также сценической) декламации, изложенныя, напримѣръ, въ извѣстномъ французскомъ сочиненіи Легуве, а также въ русскихъ сочиненіяхъ Свѣдѣнцева, Боборыкина, Коровякова и др. могли бы въ значительной степени найти себѣ здѣсь примѣненіе. Повторяемъ, если понимать Гомилетику, какъ священную риторику, то новый опытъ учебника по этой наукѣ не излишенъ и послѣ однороднаго съ нимъ сочиненія о. Н. Оаворова, хотя упрекъ, сдѣланный г. Чепику однимъ изъ рецензентовъ (въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“), въ томъ, что его трудъ въ значительной степени представляетъ не что иное, какъ перифразъ Амфитеатрова, нельзя не признать до нѣкоторой степени справедливымъ. Но чѣмъ инымъ, если не перифразомъ въ большей или меньшей степени и можетъ быть

новый учебникъ Гомилетики, если понятіе о его содержаніи у автора совершенно тождественно съ понятіями его предшественниковъ?

Несправедливо было бы винить г. Чепика за указанное пониманіе имъ характера Гомилетики. Гомилетическая теорія въ нашей русской литературѣ доселѣ еще вовсе не разработана, и самое понятіе о ней является у насъ настолько неопредѣленнымъ, что В. Θ. Пѣвницкій (см. его статью „о преподаваніи Гомилетики въ Дух. Академіяхъ“. Труды Киевск. Академіи“ за 1770 г.) находитъ невозможнымъ сдѣлать ее предметомъ академическаго преподаванія, по совершенному, будто бы, отсутствію въ ней самостоятельнаго научнаго содержанія и характера. И это мнѣніе почтеннаго кievскаго профессора совершенно вѣрно, если признать, что Гомилетика не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только священной риторикой, въ каковомъ случаѣ дѣйствительно содержаніе ея не можетъ быть инымъ, какъ только заимствованнымъ изъ риторики общей, съ присоединеніемъ рецептурныхъ указаній относительно предметовъ и внѣшнихъ формъ проповѣди. Странное дѣло: у насъ нѣтъ отрасли Богословія, въ которой мы не черпали бы обѣими руками содержанія изъ иностранныхъ богословскихъ литературъ,—лишь въ Гомилетикѣ эти литературы упорно игнорируются. Между тѣмъ если гдѣ болѣе всего умѣстно ознакомленіе съ Западной богословской литературой и пользованіе ею, то это именно въ Гомилетикѣ, уже по тому одному, что въ протестантствѣ проповѣдь—первое и главное дѣло, ея теоріи и исторіи тамъ посвящается такъ много силъ, что одинъ библиографическій обзоръ произведеній нѣмецкой гомилетической литературы могъ бы составить изрядный томъ. Въ книгѣ г. Чепика есть небольшой параграфъ, озаглавленный: „Очеркъ исторіи Гомилетики“, въ которомъ между прочимъ упоминаются новѣйшія нѣмецкія сочиненія по Гомилетикѣ, протестантскія, Крауса (1883 г.) и Бассермана (1883—1885 гг.), которыхъ однихъ было бы достаточно для того, чтобы, слѣдуя имъ, совершенно реформировать Гомилетику и у насъ. Боятся впасть, пользуясь этими сочиненіями, въ протестантскія заблужденія, не слѣдуетъ уже потому, что принадлежа къ числу такъ называемыхъ методологическихъ дисциплинъ, Гомилетика у протестантовъ большею частію чужда ихъ спеціальныхъ конфессіональных доктринъ; даже больше; основываясь на св. Писаніи, современная протестантская Гомилетика придаетъ большею частію все должное значеніе и ученію св. Отцевъ Церкви о про-

повѣди. По меньшей мѣрѣ слѣдовало бы приспособить, на первый разъ, въ курсу православной Гомилетики католическую Гомилетику Юнгмана (1883 г.).

Дѣло въ томъ, что гомилеты всего міра давно уже перестали понимать Гомилетику, какъ священную риторику, какъ упорно понимаютъ ее доселѣ у насъ. Какъ проповѣдь по своей природѣ не есть „сочиненіе“ только, а главнымъ образомъ „явленіе духа и силы“, такъ и Гомилетика отнюдь не есть священная риторика, или риторика вообще, утилизируемая церковію для своихъ цѣлей, приспособленная къ механической выучкѣ техникѣ проповѣдническаго дѣла, понимаемой въ смыслѣ исключительно сочиненія проповѣди. Гомилетика — самостоятельная наука, и притомъ наука спеціально Богословская, и какъ таковая, имѣетъ свое самостоятельное, независимое отъ общей риторики, содержаніе, обоснованное всецѣло на Богословскомъ понятіи о существѣ или природѣ проповѣди, какое понятіе можетъ и должно быть извлекаемо исключительно изъ ученія св. Писанія и Отцевъ церкви, гдѣ проповѣдь понимается не какъ „сочиненіе“, въ общемъ смыслѣ этого слова, составляющее продуктъ естественнаго ораторскаго искусства или риторическаго образованія, а какъ „явленіе духа и силы“ проповѣдника, какъ одна изъ функцій благодатной жизни церкви Христовой, въ частности — какъ проявленіе и отправленіе благодати, даруемой въ таинствѣ священства. Находясь доселѣ въ рабской зависимости отъ стараго схоластическаго понятія о Гомилетикѣ, какъ священной риторикѣ¹⁾ и соотвѣтственно этому занимаясь рецептурнымъ изложеніемъ въ ней ученія о матеріи и формѣ проповѣди, мы доселѣ какъ будто и не подозреваемъ о томъ, что должно составлять самую сущность гомилетической теоріи — разумѣю ученіе о существѣ или природѣ проповѣди и ея продуктивныхъ силахъ, которое должно образовать первую и главную составную часть Гомилетики — Гомилетику фундаментальную или принципиальную. Только выяснивъ и рѣшивъ вопросъ о природѣ проповѣди и ея продуктивныхъ силахъ, можно построить Гомилетику матеріальную (2-я часть) и Гомилетику формальную или конструктивную (3-я часть), т.-е. предлагать ученіе о нормальномъ содержаніи проповѣди и ея типахъ по формѣ.

¹⁾ Приятное исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ гомилетическіе этюды Казанскаго профессора г. Говорова (въ „прав. Собесѣдникѣ“), въ которыхъ видно знакомство съ современною гомилетическою литературою Германіи при должномъ критическомъ отношеніи къ ней.

Въ журнальной статьѣ не мѣсто излагать подробно то ученіе о проповѣди, какое я противопоставляю ученію о гомилетикѣ, какъ риторикѣ; считаю достаточнымъ по крайней мѣрѣ поставить здѣсь, въ видѣ краткихъ тезисовъ, этотъ вопросъ о существѣ или природѣ христіанской богослужебной проповѣди и ея отношеніи къ ораторству вообще.

1. Вопросъ о томъ, что такое проповѣдь какъ отправленіе жизни церковной, а не мірской, по самому своему существу или природѣ, можетъ быть разсматриваемъ лишь на основаніи Св. Писанія и св. отцевъ церкви. Въ св. писаніи онъ рѣшается до того ясно и категорически, что не остается ни малѣйшей возможности, съ точки зрѣнія церковной, для какого либо иного его рѣшенія. Господь І. Христосъ говоритъ апостоламъ (а въ ихъ лицѣ и всему сословію пастырей и учителей): Утѣшитель Духъ Святый, его же послеть Отецъ во имя мое, той вы научить всему (нужному для проповѣди) и воспомянетъ вся, яже рѣхъ вамъ (Іоан. XIV, 26); когда придетъ Онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину (Іоан. XVI, 13). Не вы будете глаголющія, но Духъ отца вашего (Мѡ. X, 19, Мр. XIII, II, Лук. XII, 12). Въ апостольскихъ посланіяхъ подробнѣе объясняется это основоположеніе гомилетики — съ отрицательной стороны: слово мое не въ предѣльныхъ мудрости человѣческія словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы, говоритъ ап. Павелъ; мы не духа міра сего пріяхомъ, но Духа, иже отъ Бога, да вѣмы яже отъ Бога дарованная намъ, духовная духовными сразсуждающе. Не посла мене Христосъ крестити, но благовѣстити, не въ премудрости слова (1 Кор. II, 4, 12, 13). Вы помазаніе имате отъ святого, и вѣсте вся, говоритъ ап. Іоаннъ, и вы еже помазаніе пріясте отъ него, въ васъ пребываетъ, и не требуете, да кто учить вы, но яко то само помазаніе учить вы о всемъ, и есть истинно и нѣсть ложно, — и якоже научи васъ пребывайте въ немъ (Іоан. II, 20, 27). Всѣ эти изрѣченія І. Христа и апостоловъ св. отцы церкви объясняютъ по отношенію къ проповѣди церковной вообще. Въ нихъ съ такою ясностью и рѣшительностію опредѣляется существо или природа проповѣди и рѣшается вопросъ о ея продуктивныхъ силахъ, что однихъ ихъ достаточно для того, чтобы, совмѣстно съ толкованіями на нихъ св. отцевъ церкви, составить содержаніе всей главной части Гомилетики — гомилетики фундаментальной или принципиальной. Такъ изъ этихъ рѣченій Іисуса Христа и апостоловъ съ неопровержимостію слѣдуетъ, что проповѣдь богослужебная по своему существу или природѣ есть не просто